

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**XXV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

**«ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА
В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»**

22–24 апреля 2009

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

**Санкт-Петербург
2009**

СЕКЦИЯ 4.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ДРЕВНЕГО
ВОСТОКА
SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF THE ANCIENT EAST

И.В.Богословская
(ВФ СПбГУ)

Изобразительное искусство Древнего Египта
как исторический источник

«Энциклопедией древнеегипетской жизни» называл выдающийся советский египтолог Ю.Я. Перепелкин изображения в древнеегипетских гробницах времени Старого Царства. Самой важной для историка чертой древнеегипетской изобразительной культуры является приписка к изображению. Эта особенность дала неограниченные возможности для создания самых разноплановых исторических реконструкций и интерпретаций. При этом к изображению подходили с принятой для европейской традиции последних веков точки зрения «я так вижу». Только в сер. XX в. немецкий египтолог А. Шеффер смог сформулировать основной принцип египетской изобразительности, принципиально отличающийся от европейского: египтянин изображает не как он видит, а «как он знает». Начиная с этого времени, все чаще стали замечать и другие условности, включая явную принадлежность изображенного факта иному миру. Все больше специалистов подходит к изображению как к тексту, несущему информацию, но лексика и грамматика изобразительного языка еще только изучается. На современном этапе исследований приняты следующие положения:

1. Египетское общество относится к числу традиционных, следовательно, и искусство подчинено задачам передачи традиции. Роль индивида (художника) высока с точки зрения фиксации вечного или повторяемого, но не частного, проходящего. Исключений достаточно много, но на периферии основного текста. Соотношение *традиция* – *художник* неоднородно для разных периодов и может стать ключевым при реконструкции исторического факта и его интерпретации.

2. Искусство египтян условно, но в определенных областях необычайно точно. Граница соотношения условности и точности подвижна, наблюдения в этой области далеки от завершения. Обобщающих работ нет.

3. Менталитет египтян, их представления о мире и инобытии только начали изучать на глубоком уровне. Если роль официальных культов царя, отраженных на сакральных памятниках, изучается

достаточно интенсивно, то представления самого этноса еще ждут своих исследователей. Понимание же разнородных богов и их роли в мифологиях отдельных частей Египта без изучения иконографии просто невозможно. Подобного рода исследования текстов и изображений выведут на проблему этнокультурных контактов.

Искусство в качестве языка культуры рассматривается учеными совсем недавно, со 2-й пол. XX в. Египет представляет собой идеальную платформу для получения методик исследования, учитывая, что все процессы видны на протяжении тысячелетий в условиях моноэтничности и относительной замкнутости территории. Понимание двуединой сущности древнеегипетской культуры постепенно проникает в сознание египтологов, но подготовка специалистов двойного образования достаточно сложна и требует разработки особых программ и методик. Прежде всего, необходимо изучать знаковую, семантическую сторону египетского изображения, позволяющую извлекать новую историческую информацию, не донесенную текстом вербального характера.

Д.А.Браткин
(ИВР (СПбФ ИВ) РАН, СПб)

К вопросу о древнейшем римском судебном протоколе в Египте

Принято считать, что среди дошедших до нас римских судебных протоколов, составленных в Египте на греческом языке, датируемый папирус Р.Оху. 37 (=M., Chr. 79) является наиболее ранним. В составленном Ревелом Коулзом каталоге судебных отчетов Р.Оху. 37 открывает собой последовательный ряд грекоязычных документов римского времени. Именно этот папирус Коулз называет «древнейшим датированным документальным примером» типично римского протокольного формуляра, строящегося на использовании *oratio recta* и лаконичности формулировок, разительно отличающихся от многословных птолемеевских отчетов, построенных в косвенной речи.

Тем не менее, из поля зрения Коулза выпал целый класс самостоятельных папирологических источников – документальные досье. Это подборки официальных документов (судебных и административных решений, резолюций, прецедентов), которыми пользуются для подтверждения своих притязаний челобитчики или тяжущиеся и которые могут прилагаться к прошениям или прочитываться в судебном заседании. Подобные документальные подборки, составлявшиеся низшими административными чиновниками или профессиональными адвокатами, во множестве известны нам по документам I–III вв. н.э.

Одним из наиболее своеобразных досье является SB VI 9016 (160 г. н.э.). Это подборка из пяти документов, относящихся к религиозно-административной сфере. Среди прочих прецедентов составитель цитирует протокол суда под председательством префекта Египта Гнея Вергеллия Капитона, датированный 48 г. (I.5–9). Этот протокол оказывается, с одной стороны, древнейшим датированным римским судебным протоколом, дошедшим до нас; с другой стороны, он ясно демонстрирует все основные черты, характерные для документов этого типа: формальную структуру преамбулы, лаконичность выступлений и вердикта, прямую речь сторон. Сопоставление его с Р.Оху. 37, древнейшим из полностью сохранившихся оригинальных протоколов, позволяет заключить, что «типично римский» формуляр судебного протокола стал для Египта стандартной формой записи судебного отчета уже к концу 40-х гг. н.э., и, следовательно, время его появления следует датировать более ранним периодом.

В.В.Емельянов

(ВФ СПбГУ)

Асархаддон в русской литературе

(В.Я.Брюсов, Л.Н.Толстой)

В русской литературе конца XIX–начала XX веков несколько раз использовалось имя ассирийского царя Асархаддона (Ашшур-аххе-иддина, 681–669 гг. до н.э.). Асархаддон стал героем стихотворений В.Я.Брюсова «Ассаргадон» (1897) и «Довольным» (1905) и героем сказки Л.Н.Толстого «Ассирийский царь Асархадон» (1903).

Источником стихотворения «Ассаргадон» послужило русское издание «Древней истории народов Востока» Г.Масперо (М; 1895), в которой пересказаны первые строки Цилиндра А Асархаддона, сообщающие о восстании сидонских князей, закончившемся их казнью и разрушением города. Образ Асархаддона у Брюсова попадает в два основных контекста. В стихотворении «Ассаргадон» он выступает олицетворением, с одной стороны, абсолютной власти, а с другой стороны – гордого одиночества, которым был отмечен облик самого поэта. В стихотворении «Довольным» Брюсов использует образ Ассаргадона в том же значении, в каком будет писать в те же годы о «грядущих гуннах»: Ассаргадон для него – символ грозной народной стихии, в щепки разбивающей прежний миропорядок. Впоследствии «ассирийское» станет для Брюсова и Мандельштама синонимом «большевистского», образом тоталитарного общественного строя.

Источником сюжета, который стал основой для сказки Л.Н.Толстого, послужила книга З.А.Рагозиной «История Ассирии от

возвышения ассирийской державы до падения Ниневии» (СПб: изд-во Маркса, 1902). Именно здесь пересказывается история встречи Асархаддона и Лаилиэ, также зафиксированная на Цилиндре А Асархаддона. В ассирийском подлиннике история арабского шейха Лаилиэ рассказана следующим образом: «Лайалие, царь Йади, что перед моим оружием упорхнул, прослышал о пленении своих богов, и в Ниневии, городе моего владычества, предо мной предстал и стопы мои облобызал. Милость я ему явил – по-братски говорил с ним. На его богах, что я пленил, могущество Ашшура, моего владыки, сверху я начертал, (богов этих) вернул, ему отдал. Этот район Бази я ему поручил, налоги и дань моему владычеству на него возложил» (Esa. 45. 1–5). Асархаддон мирно обошелся с Лайалие, потому что тот проявил лояльность.

В сказке Толстого Асархаддон предстает жестоким правителем, которому предстояло расправиться со своим врагом Лаилиэ. Однако его взору предстал некий мудрый старец, который открывает царю глаза на всеобщность человеческих страданий. Асархаддон ощущает себя Лаилиэ, проходит через все пытки и готовится принять смерть от самого себя. Поняв иллюзорность своих представлений о Другом и других, осознав единство бытия, Асархаддон отпускает Лаилиэ и всех остальных пленных, а сам покидает престол и передает власть своему сыну Ашшурбанпалу. Бывший царь становится странником, проповедующим недеяние зла. Несомненно, что, превращая исторический сюжет в сказку-притчу, Толстой руководствовался образами индо-буддийской мифологии и собственным желанием уйти из Ясной Поляны, став затем проповедником идей недеяния и непротивления злу.

И. Т. Канева

(ИВР (СПбФ ИВ) РАН, СПб)

Вставные предложения в шумерском языке

Проблема шумерских вставных предложений, до сих пор не рассматривавшаяся в шумерологии, исследуется на материале хозяйственных текстов старошумерского периода.

Выбор именно этих текстов объясняется тем, что в них при сообщении об операциях, производимых с продуктами или со скотом, обязательно приводятся дополнительные сведения об их назначении, принадлежности, происхождении, о статьях расхода и т. п., для описания которых используются разные грамматические конструкции, и в том числе вставные предложения.

Вставные предложения синтаксически никак не связаны с основными предложениями и при невыработанности в шумерском системы знаков препинания вычленение вставных предложений основывается только на контексте.

Вставные предложения по числу входящих в их состав компонентов делятся на полные двусоставные и эллиптические, а по виду сказуемого – на глагольные и именные.

С одним и тем же членом основного предложения могут соотноситься два вставных предложения, различающиеся по характеру сообщаемых ими сведений.

Засвидетельствованы сложноподчиненные вставные предложения с придаточными определительными, которые соотносятся с именем существительным – именной частью составного именного сказуемого вставного предложения.

И.С.Клочков
(ВФ СПбГУ)

Жанр заклинаний в Древней Месопотамии

Ассиро-вавилонские заклинания изучаются уже почти 150 лет. Самая ранняя версия, записанная ассирийскими учеными писцами в Ниневии в VII веке до н.э., была обнаружена в XIX в. и издана Э. Эбелингом в составе собрания ассирийских религиозных текстов (1915–1919; см. также: Zimmern 1915/16, Bottero 1985). Текст представляет собой перечень заглавий ок. 50 пространных ритуалов: «омовение уст», «омовение рук бога», «утешение сердца божия», «дом омовения», «сожжения», медицинские заклятия и проч.

Большинство ритуальных и заговорных текстов, найденных в городах Ассирии, имеют вавилонские и шумерские прообразы. Ассирийцы 1–ой пол. I тыс. до н. э. главным образом собирали и систематизировали произведения, сложившиеся в более ранние периоды месопотамской истории.

При изучении ассирийской магической практики отмечались 3 вида источников: амулеты-обереги с заговорами; межевые камни и закладные надписи, содержавшие формулы проклятий тем, кто на них посягнет; пространные собрания заклинаний и ритуальных формул. Многие таблички некоторых «серий» содержат более 300 строк.

Большая часть акадских заклинаний носит «оборонительный» характер, но есть и приворотные заклинания («присушки») («Когда Ану сотворил небо». Литература Древней Месопотамии. М., 2000.). Особый интерес представляет заклинание «коммерческой» направленности –

«На процветание корчмы», снабженное описанием соответствующего ритуала («Культура Аравии в азиатском контексте». СПб., 2006).

Культовые тексты создавались и бытовали, вероятно, в устной форме в жреческой среде. Полагают, что жрецы и заклинатели довольно долгое время оставались неграмотными. Грамотой владели храмовые администраторы – практики, руководившие храмовой хозяйственной деятельностью. Жрецам же и заклинателям письменность могла казаться не очень подходящим средством для закрепления сакральной традиции и лишь позднее получила у них признание.

Интересен вопрос о соотношении ритуальных действий и слова, заклинаний. Еще в нач. XX в. Н.Ф.Познанский предположил, что первоначально ведущую роль играли магические действия, а слово стало отеснять и заменять их сравнительно поздно (Н.Познанский. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М., 1995). В конце концов, слово вытесняет действие.

Н.В.Козырева
(ВФ СПбГУ)

***Политическая история ранней Месопотамии
и этнокультурные процессы***

Древняя Месопотамия была тем перекрестком, где на протяжении тысячелетий смешивалось множество различных этнических групп, каждая из которых привносила свои традиции и в то же время бессознательно пыталась вписаться в общий фон местной культуры и приспособиться к ней. Основными источниками для изучения этих процессов, происходивших в 3 и начале 2 тыс. до н.э. на территории Месопотамии, являются литературно-религиозные тексты и царские надписи.

В текстах 3 и начала 2 тыс. до н.э. сохранилось немало литературных пассажей, в которых описывались чужеземцы. Эти тексты были собраны Дж. Купером из мифов, плачей по городам, писем-молитв (Cooper, 1983). Чтение этих фрагментов приводит к выводу, что историк имеет здесь дело не с этнографическим описанием других народов, а с набором определенных метафор, которые дают очень мало сведений о жителях разных регионов, но достаточно много говорят о культурных ценностях самих составителей текстов. Эти источники рассматривают кутиев, амореев, симашки (и даже эламитян) как варваров, незнакомых с традициями и законами цивилизованного общества.

Второй вид источников – царские надписи, на изучении которых во многом основаны наши реконструкции политической истории

ранней Месопотамии, – не менее субъективен. Большинство этих текстов было создано, вероятно, в дворцовых или храмово-дворцовых школах и канцеляриях, в интеллектуальной среде, тесно связанной с властью и в разной степени сознательно или бессознательно увязывавшей содержание своих творений с интересами и потребностями этой власти.

Очень большое значение в этой связи приобретают археологические свидетельства, которые могут подтвердить или опровергнуть данные текстов. За последние десятилетия комплексное изучение источников во многом изменило наши взгляды на этнокультурные процессы, происходившие в это время на территории Передней Азии и собственно в Месопотамии. Новые данные заставляют по-новому взглянуть на уже устоявшиеся в исторической науке модели реконструкции политических событий, связанных с вторжениями на территорию Южной Месопотамии в середине 3 – начале 2 тыс. до н.э. таких этнических групп, как аккадцы, кутии и амореи.

И.Н. Медведская
(ИВР (СПбФ ИВ) РАН, СПб)
Политическая ситуация в Малой Азии
во второй трети VII в. до н.э.

В начале правления Ашшурбанапала (668–635/27) политическая ситуация на Западе определялась взаимодействием Ассирии, Египта, Лидии, киммерийцев и отчасти Урарту. Однако, остается не вполне ясным, насколько значительным было участие Лидии в событиях 660–650-гг. до н. э. и насколько самостоятельной была политика лидийского царя Гигеса. В докладе предлагаются некоторые уточнения трактовки ряда ассирийских текстов, помогающие решению этих и других вопросов.

А.О. Москалева
(ВФ СПбГУ)
Некоторые термины в новоассирийских
международных соглашениях

В 1955 году археологической экспедицией Британской школы археологии в Ираке в Нимруде были обнаружены более 350 фрагментов обожженных глиняных табличек. Найденные фрагменты в восстановленном виде представляют собой некий официальный документ, связанный с присягой мидийских правителей на верность Ашшурбанапалу, сыну и наследнику Асархаддона.

Разные исследователи, изучавшие данный документ, по-разному понимали его суть – договор, клятва верности вождей подчиненных племен, присяга на верность при найме на службу личной охраны наследника.

В аккадском языке для обозначения этого вида документа приводится термин *adi*. На основе изучения исторического и филологического аспектов данного текста, мы попробуем уточнить значение данного термина и найти наиболее подходящий ему перевод.

А.В. Немировская
(ВФ СПбГУ)

Передача аккадской просодии на письме

Разные виды смыслов выражаются в языках разными звуковыми средствами. Помимо звуковых сегментов, оформляющих лексические и грамматические смыслы, а также синтаксических средств, имеются супrasegmentные языковые средства (просодия), с помощью которых выражаются функциональные характеристики, определяющие цель высказывания (сообщение, вопрос, побуждение) и его коммуникативную структуру (рема, тема). Среди них важнейшими для нетональных языков являются словесное ударение и фразовая интонация.

С тех пор, как в шумерском письме наряду с идеографией зарождается принцип фонографии, то есть записи звучащей речи, последняя начинает стремиться к как можно более точной передаче сегментной части звуковой системы через дифференцированное использование силлабограмм. В тех случаях, когда аккадское письмо является фонографическим, оно «нацелено» на весьма четкую передачу не только сегментной характеристики речи, но и просодии, что выражалось в фиксации на письме фразовых акцентов (не всегда совпадающих со словесным ударением) следующими способами.

1. Plene-написание, т.е. выписывание гласных, типичное для передачи вопроса, однако не только (может как совпадать, так и не совпадать с этимологической долготой), замечено еще в 1920-х гг.: О.Шредер (введение к изданной им автографии среднеассирийских законов и писем), Б.Ландсбергер (1924 г.); В. фон Зоден. Ю.Аро (J.Aro. Abnormal plene writings in Akkadian texts // *Studia Orientalia*. XIX:11. Helsinki, 1953. P. 1–19.) собрал примеры, главным образом, на материале 3 групп текстов, насыщенных «необычными долготами»: 1) письма Цилли-Шамаша (г. Ларса); 2) среднеассирийские законы; 3) гадательные тексты-*omina*.

2. Неэтимологическое удвоение согласных (M.Luukko. Grammatical variation in Neo-Assyrian. Helsinki, 2004. § 3.7.). Вероятно,

подобный способ передачи супrasegmentной характеристики, а именно – ударения, объясняется его моровым характером в аккадском языке: ударный слог – «тяжелый», т.е. двухморовый.

Возможно, таким же был способ передачи второстепенного ударения в фонетической синтагме, примеры чему можно найти и за пределами корпуса новоассирийских писем (например, литературные тексты на младовавилонском), хотя именно письма как в своем роде наиболее эмоциональные тексты изобилуют (по крайней мере, у определенных авторов) примерами передачи просодии.

А.Г. Суцевский
(ВФ СПбГУ)

Анализ структуры трактата Хораполлона «Иероглифика»

«Иероглифика», трактат, приписываемый некоему Хораполлону, был создан, по разным оценкам, между IV и V веками христианской эры. Вобрав в себя сумму представлений и описаний поздней античности о египетской идеографии, энигматике и курсиве, он оказал огромное влияние на выдающиеся умы эпохи итальянского Возрождения и в особенности на Флорентийскую Академию. Египетские знаки представлены в трактате отчасти как графемы письма, что определяет ценность трактата для филологического направления египтологии. Однако более важная часть трактата изображает иероглифы как систему визуально представленных иносказаний, близких самому духу неоплатонизма, основатель которого, Плотин, был выходцем из египетского Ликополя (совр. Асьют). Трактат привлекает внимание исследователей широкого круга направлений: филологов, историков философии, искусствоведов, иконологов, всех, кто имеет дело с визуализацией концептов.

Между тем, анализ структуры трактата и его генетические связи с собственно египетской экзегетикой все еще не сформулированы как система исследовательских проблем. Один из вариантов в этом аспекте предлагает настоящее сообщение.

Н.О. Чехович
(ИВР (СПбФ ИВ) РАН, СПб)

Моление вавилонского писца об успехе труда

Доклад посвящен обращению месопотамских писцов к богам о помощи в клинописной работе. Такие обращения появляются впервые в позднеахеменидское время. Первым документом с такой формулой является табличка, датируемая 406 г. до н.э., из собрания Азиатского музея, ныне Институт восточных рукописей РАН. Обращения

однотипны, они предшествуют тексту таблички, располагались на верхнем крае и первоначально считались завершением колофона (Х. Хунгер). М. Рот показала, что выражением «по слову ... (имя божества) да будет благополучно завершено» писец просит благословения свыше, и оно не связано с колофоном.

По арамейским документам из Элефантины следов такой традиции не обнаружено, но она прослеживается в иудейской среде более позднего времени (М. Рот). Подборка примеров показывает, как действовала похожая традиция среди писцов средневековой Европы и Древней Руси. Удалось по-новому прочесть текст из Азиатского музея.